

Соловьёва Н.В.

*кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского
языкознания БГПУ*

**Неоднословные наименования продуктов питания и напитков в
старорусском и старобелорусском языках:
проблема лексикографической интерпретации**

В русском и белорусском языках XIV – XVII вв. широко представлены неоднословные номинации продуктов питания и напитков: старорус. *красный медъ, ленивая капуста, сорочинское пшено*, старобел. *сычоный медъ, бѣлая мука, зернатые яблоки* и т.п.¹ Структурная однотипность и воспроизводимость данных сочетаний позволяет предполагать их терминологический характер и, при широком понимании объема фразеологии, включить их в число фразеологических единиц. Данный подход к рассмотрению сочетаний такого типа представлен, в частности, в работах Т.Г.Трофимович [1], Г.А.Селиванова [2]. Между тем в лексикографической практике неоднословные номинации продуктов и напитков не получили однозначной интерпретации. К примеру, наименование *дивии медъ* – 'мед диких пчел' в «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» (ГСБМ) рассматривается как фразеологизм, о чем говорит наличие соответствующей пометы, в то время как в «Словаре русского языка XI – XVII вв.» (СРЯ) эта же номинация в число фразеологических единиц не включается.

Подобные лексикографические расхождения, очевидно, нуждаются в объяснении и побуждают к подробному анализу неоднословных наименований продуктов питания и напитков с точки зрения их лексико-фразеологической отнесенности. Так, безусловно, характер сочетания *дивии медъ*, где прилагательное сохраняет прямое инвариантное значение 'не

¹ В исследовании использованы материалы: Словарь русского языка XI – XVII вв.: Вып. 1 - 25 / АН СССР, Ин-т рус.яз. – М.: Наука, 1975 – 2000. – Вып. 1 – 25; Гістарычны слоўнік беларускай мовы: Вып. 1 - 24 / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа- Мінск : Навука і тэхніка, 1982 – 2005. – Вып. 1 – 24.

имеющий отношения к деятельности человека', препятствует его включению в число фразеологических единиц. Вместе с тем данное сочетание может быть рассмотрено как первое письменно зафиксированное двусловное наименование с опорным элементом *медь*, отразившее первичное структурирование соответствующего понятия в рамках ключевой для традиционных обществ оппозиции «природа – культура»: 'вещество, вырабатываемое пчелами' → 'вещество, вырабатываемое дикими пчелами', противопоставленное продукту бортничества (пчеловодства) – одного из древнейших видов ремесла [3, с. 42-43]. С этих позиций становится очевиден терминологический характер рассматриваемого словосочетания, а также других неоднословных наименований с опорным элементом *медь*, которые появлялись в древнерусском, а затем в старорусском и старобелорусском языках по мере эволюции понятия 'мед - вещество'. Так, в качестве номинаций свежего, необработанного меда в русском языке XIV – XVII вв. отмечены словосочетания *прѣсныи медь*, *пушнои медь*, *медь – сырецъ*, в старобелорусском языке – *прѣсныи медь*, *сырыи медь*, при этом синонимия двусловных наименований не опровергает, а, скорее, подтверждает их терминологический характер, поскольку отражает поиск языковых средств, способных наиболее адекватно обозначить соответствующее понятие.

Следует отметить, что большинство двусловных наименований меда-вещества являются общими для старорусского и старобелорусского языков, что свидетельствует в пользу их общевосточнославянского происхождения: *дивши медь*, *прѣсныи медь*, *медь-сырецъ*, *медь-липецъ*, *медь-патока*. Исключение составляют лишь наименования меда в сотах: в старорусском языке соответствующее языковое средство лишь только вырабатывалось, о чем говорит употребление в данном значении сочетаний *медь сотовыи*, *медь въ сотахъ*, *медь съ вощинами* [СРЯ, т.9, с.53], в то время как старобелорусский язык располагал уже вполне оформленным термином *плястръ меду* [ГСБМ, т.24, с.390].

Гораздо меньшей общностью характеризуются старорусские и старобелорусские неоднословные наименования меда-напитка, среди которых лишь *бѣлыи медь* и *кислыи медь* отмечены в обоих языках. Различия обнаруживаются не только на уровне конкретных номинаций, но и на уровне мотивационных признаков именованя, отражающих сущностные характеристики соответствующего понятия, ведь, как известно, языковая дискретизация денотативной области предопределена важностью предметной сферы для носителей языка [4, с. 162]. Так, для старобелорусского языкового сознания наиболее значимыми являются способ приготовления (*сычоный медь*, *квасный медь*, *перевариванный медь*) и предназначение напитка (*конунный медь*, *питный медь*, *шинковый медь*), в то время как старорусский *медь* дифференцируется в зависимости от рецептуры (*княжий медь*, *боярский медь*, *братский медь*), ингредиентов (*вишневый медь*, *малиновый медь*, *яблочный медь*, *черемховый медь*), качества (*лучший медь*, *добрый медь*, *росхожий медь*, *столовый медь*, *пошлый медь*), вкусовых качеств и выдержки (*сладный медь*, *крепкий медь*, *старый медь*), а также цвета (*красный медь*, *белый медь*, *светлый медь*, *черный медь*).

В лексикографической интерпретации перечисленных номинативно-атрибутивных конструкций также отмечаются расхождения: если старобелорусские именованя в «Гістарычным слоўніку беларускай мовы» включены в число фразеологических единиц, то большая часть старорусских номинаций, отмеченных в «Словаре русского языка XI – XVII вв.», рассматривается только лишь как «характерные» словоупотребления.

При ближайшем рассмотрении становится очевидным, что не все упомянутые словосочетаня имеют терминологический и, следовательно, фразеологический характер. К таковым, например, следует отнести отмеченные в СРЯ XI – XVII вв. *лучший медь*, *добрый медь*, *росхожий медь*, *пошлый медь*, *столовый медь*, характеризующие качество напитка. В данном случае, видимо, стоит говорить не о терминологизации сочетаня в целом, а о становлении терминообозначений качества продуктов и напитков, о чем

свидетельствует, в частности, наличие в старорусском языке однотипных конструкций. Ср.: *Бочка меду лутчего... бочка меда росхожева* (Клад. росп. Мор., 42, 1656 г.) [СРЯ, т.9, с.54] и *А питья давали: по ведру вина ренского лутчего, по 8 ведрь вина ренского росхожего* (Рим. имп. д. II, 372, 1596 г.) [СРЯ, т.22, с.105]. Терминологизация лексем *лучший, добрый, пошлый, росхожий* очевидна лишь при контекстном противопоставлении, вне его семантика прилагательного остается в рамках субъективной оценки: *пол-3 ведра ренского, раман ъи тожь... пивъ и медовъ добрыхъ, что они великие государи укажутъ* (ДАИ X, 297. 1683 г.) [СРЯ, т.9, с.54].

Вопрос о фразеологическом статусе старорусских и старобелорусских двусловных именований *обарной медъ, приварной медъ, кислый/квасный медъ, перевариваный медъ, сычоный медъ* решается в зависимости от того, является ли атрибутивный элемент лишь указанием на способ приготовления, либо сущностной характеристикой денотата, отражающей системную организацию понятия (ср. в современном русском языке *вареное яйцо – вареная колбаса*). Как кажется, специфика употребления рассматриваемых номинаций в старорусских и старобелорусских деловых текстах свидетельствует в пользу второго предположения и, следовательно, в пользу терминологического характера данных двусловных наименований: *У погребе пива пшеничного Ѡ̃ (4) бочки... меду сычоного полъ Ѡ̃ (3 1/2) бочки* (АВК, XIV, 22, 1556 г.) [ГСБМ, 17, с.307]; *меду кислого бочка одна* (АВК, XXXVI, 34, 1582 г.) [ГСБМ, 17, с.307]; *ведро меду обарного* (АИ II, 438, 1613 г.) [СРЯ, т.12, с.13].

С позиций лексико-фразеологической отнесенности интересны и старорусские неоднословные наименования меда-напитка в зависимости от ингредиентов: *вишневый медъ, малиновый медъ, черемховый медъ, яблочный медъ*. С одной стороны, фразеологический характер данных номинаций может вызвать сомнения, в особенности при сопоставлении с отмеченными в русском языке того же периода свободными словосочетаниями типа *вишневый морсь – 'морс, приготовленный из вишен', яблочный квась – 'квас,*

приготовленный из яблок'. Однако *вишневый медь* – это не 'мед, приготовленный из вишен (!)', хотя, очевидно, с добавлением вишен, и именно этот признак выделяет данный напиток в ряду других напитков из меда. Таким образом, семантическая трансформация прилагательного и терминологический характер именованья являются значимым свидетельством фразеологичности номинации *вишневый мед* и других наименований, называющих виды меда в зависимости от ингредиентов.

Следует заметить, что вопрос о лексико-фразеологическом статусе двусловных наименований продуктов питания и напитков далеко не всегда может быть решен однозначно. Так, номинация *красный медь*, отмеченная в СРЯ XI – XVII вв. дважды (соответственно, в статьях к словам *красный* и *медь*), в одном случае рассматривается как фразеологизм, что предполагает фразеологически связанное употребление прилагательного, в другом же случае словосочетание *красный медь* рассматривается как «типичное, характерное» для слова *медь*, наряду с *бѣлыми*, *черными* и под. называющее сорт напитка по цвету.

Противоречивость лексикографической интерпретации обнаруживается и в отношении другой номинации с атрибутом *красный* – *красная рыба*, отмеченной в СРЯ XI-XVII вв. в значении 'хрящевые рыбы, являющиеся высшим сортом съедобных рыб (осетр, севрюга, семга и др.)'. Иными словами, устойчивое словосочетание *красная рыба* следует интерпретировать как 'ценная рыба'.

Между тем анализ употребления номинаций *красная рыба* и *красный медь* свидетельствует в пользу цветового значения атрибутивного элемента. Прежде всего, это контекстное противопоставление продукта с характеристикой *красный* продуктам с другими цветовыми характеристиками: *А рыба бѣлая, кромѣ красной рыбы, осетра и стерляди и лососи всякая, и раки есть* (Вед. о Кит. зем., 1669 г.) [СРЯ, т.8, с.21]. При этом важно заметить, что в данном контекстном употреблении прилагательное *бѣлыми* не развивает значения 'неценный, низкого сорта', а

называет цвет мякоти рыбы. Безусловно, наличие в русском языке XI – XVII вв. ЛСВ *красный* – ‘наиболее ценный’, конечно же, не исключает возможной интерпретации наименования *красная рыба* как ‘рыба ценных сортов’, однако такой вывод должен быть подкреплён выходящими за рамки лингвистических сведениями о ценности одних пород рыбы относительно других в эпоху средневековья.

В отличие от старорусского языка, где прилагательное *бѣлый* в составе интересующих нас номинаций сохраняет основное цветочное значение, в старобелорусском языке *бѣлый* развивает оценочное значение ‘высшего сорта, лучший’ в составе фразеологизированного именованного *бѣлая мука*. Интересно заметить, что представление о качестве муки в старобелорусском языке первоначально связаны с цветом, в то время как в старорусском языке – со степенью измельчения: *крупчатая мука*, *полукрупчатая мука*. Для обозначения низкосортной муки использовалось фразеологизированное наименование *подрукавная мука*, внутренняя форма которого, при всей своей прозрачности, с позиций современного носителя языка не совсем понятна без дополнительных сведений энциклопедического характера.

В ряде случаев установлению точного значения двусловной номинации препятствует исходная многозначность атрибутивного элемента. Так, например, старобелорусская номинация *квартный медъ* интерпретируется как ‘напиток, предназначенный на продажу, в бочке, которая называлась квартой’ в статье к слову *медъ*. Эта же номинация иллюстрирует значение ‘являющийся четвертой частью доходов с королевских земель, предназначенной для содержания регулярной армии’ в статье к слову *квартный*. Единственная текстовая иллюстрация, сопровождающая обе статьи (*меду квартного приняли кгарцов двесте пятьдесятъ*), также не проливает свет на значение прилагательного в составе номинативно-атрибутивной конструкции. Второе из приведенных толкований все же кажется более убедительным, в том числе и потому, что в

старорусском языке функционировало соотносимое наименование налога *половой / половинный медь*, где прилагательное указывает на размер осуществляемой выплаты.

Неоднозначность лексикографической интерпретации неоднословных номинаций продуктов и напитков также может быть связана с явлением семантического синкретизма – метонимической целостностью значения, проявленной в способности языкового знака к одновременному выражению множества взаимосвязанных смыслов. Так, например, неоднословная номинация *деревянное масло* (‘оливковое масло’), отмеченная в СРЯ XI – XVII вв. дважды – соответственно, в статьях к словам *деревянный* и *масло*, в первом случае квалифицирована как фразеологическая единица, о чем свидетельствует специальная помета, в другом же случае рассматривается как свободное сочетание. Данный факт легко объясним: внутренняя форма рассматриваемой номинации, казалось бы, прозрачна, однако при ближайшем рассмотрении несводима к сумме значений составляющих, поскольку *деревянное масло* – это не в буквальном смысле ‘масло из дерева’.

В основе отмеченного противоречия лежит метонимическая цельность значения атрибутивного элемента, неразграничение смыслов ‘дерево’ – ‘плод дерева’. Но даже с учетом этого обстоятельства невозможно в полной мере объяснить специфику семантических механизмов, лежащих в основе возникновения устойчивой номинации, ведь *деревянное масло* – это масло не из плодов какого-либо / любого дерева, а из плодов определенного дерева – оливы, издавна хорошо известного восточным славянам. Ср. разнообразные названия оливкового дерева, отмеченные в текстах древнерусского периода: *маслина* (Ио.екз.Бог., XII в.), *маслица* (Мин.Сент., 1096 г.), *масличина* (Сл.Испол.об антихр., XII в.) и др. [СРЯ, т.9].

Основным движущим механизмом образования рассматриваемой неоднословной номинации является стремление к языковой экспликации некоторого сущностного, объективно свойственного именуемой реалии признака. В данном случае в качестве такой характеристики выступает

источник продукта – ‘из плодов дерева’, что противопоставляет данный продукт видам масла из другого сырья (не из плодов дерева, а, например, из семян травянистых растений; ср. отмеченное в письменных памятниках составное наименование *семенное масло*). Это обстоятельство, безусловно, дает основания для квалификации сочетания *деревянное масло* как свободного.

С другой стороны, налицо факт семантической транспозиции атрибутивного элемента, выразившейся в сужении значения прилагательного от родового (‘всякое дерево’) к видовому (‘оливковое дерево’). Наиболее явно данная особенность проявляется в сравнении с упомянутым именованном *семенное масло*, которое является гиперонимом для ряда отмеченных в русском языке эпохи средневековья видовых номинаций: *горчичное масло* – ‘масло из (семян) горчицы’, *льняное масло* – ‘масло из (семян) льна’, *конопляное масло* – ‘масло из (семян) конопли’ и др. В составе же номинации *деревянное масло* прилагательное одновременно обозначает и родовой признак (‘из плодов дерева, в противоположность семенному’), и видовой (‘из плодов оливкового дерева’). Специфика значения прилагательного, отмеченная лишь в составе устойчивой номинации, дает основания для квалификации сочетания *деревянное масло* как семантически несвободного и, следовательно, для включения его в круг фразеологических единиц.

Как кажется, противоречивость в определении лексико-фразеологического статуса интересующих нас неоднословных наименований связана с противоречивостью установок языкового сознания, обусловивших появление данных словесных комплексов. Поясним сказанное на примере сочетаний *сорочинское / срацынское пшено* ‘рис’ и *персидские яблоки* ‘персики’.

Потребность в наименовании новых реалий оказывалась подчинена необходимости соотнесения реалии с уже известным классом объектов через использование освоенного и понятного носителям языка имени. Так, на

основании сходства наблюдаемых физических свойств объект «рис» был включен в денотативный класс «пшено», а объект «персик» - в класс «яблоко». Стремление к отождествлению, однако, сталкивается здесь с необходимостью другого рода – с необходимостью к языковой экспликации в номинативном акте уникальной характеристики именуемого объекта. Наиболее очевидной дифференциальной характеристикой при наименовании неисконной реалии является источник заимствования, происхождение, что и отразилось в составе неоднословных номинаций *сорочинское пшено* и *персидские яблоки*.

Возможность включения таких номинаций в число фразеологических единиц не вызывает сомнений, поскольку механизмы возникновения данных словесных комплексов сродни метафоризации, где перенос именованного осуществляется на основании подобия объектов. Кроме того, атрибутивный элемент называет признак не ситуативный, а характерный, подчеркивающий уникальность объекта, и формирует в сочетании с опорным элементом целостное понятие. Ср.: совр. рус. *голландские яблоки* – ‘яблоки из Голландии’, в то время как старорус. *персидские яблоки* следует интерпретировать не как ‘яблоки из Персии’, а ‘фрукты, похожие на яблоки (формой, цветом), произрастающие в Персии / привезенные из Персии’.

Необходимо заметить, что не всегда для именованной неисконной реалии привлекался атрибутивный элемент, указывающий на происхождение продукта. Так, например, в старобелорусском языке отмечена номинация *зернатые яблоки* со значением ‘гранаты’. Следует думать, что в данном случае свою роль сыграла необычная структура фрукта – внешне очевидная и яркая характеристика. Таким образом, «гранат» в старобелорусском языке представлен как ‘фрукт, похожий на яблоко, имеющий зернистую структуру (состоящий из зерен)’.

Возвращаясь к проблеме лексикографической интерпретации неоднословных наименований продуктов и напитков в исторических словарях русского и белорусского языков, следует сказать, что отмеченные

расхождения в полной мере иллюстрируют специфику семантики данных номинаций и сложности, связанные с ее анализом. Во-первых, различную лексико-фразеологическую отнесенность демонстрируют сами номинативные единицы: одни максимально приближены к свободным словосочетаниям (*добрыи медь*), в то время как другие соотносимы с фразеологическими единицами (*сорочинское пшено*). Во-вторых, степень слитности компонентов номинативного сочетания может получить неоднозначную оценку вследствие синкретизма и символизма семантики старорусских и старобелорусских лексем (*деревянное масло*). Наконец, адекватной интерпретации значения однословных номинаций продуктов питания и напитков препятствует отсутствие достаточных сведений о соответствующей реалии в «пищевой» культуре восточных славян (*квартный медь*).

Литература

1. Трофимович, Т.Г. Типы предметных наименований в языке старорусской деловой письменности / Т.Г.Трофимович. – Минск: БГПУ, 2003. – 223 с.
2. Селиванов, Г.А. Фразеология русской деловой письменности XVI – XVII вв.: автореф. дис. ...докт. филолог. наук: 10.02.01. / Г.А.Селиванов; Моск. гос. пед. ин-т им. В.И.Ленина. – М., 1973. – 50 с.
3. Соловьева, Н.В. Устойчивые однословные наименования продуктов питания и напитков в русском языке XI – XVII вв.: лингво-гносеологический аспект / Н.В.Соловьева // Весці БДПУ, Сер.1. Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2009. – №2. – С.39-43.
4. Кузнецов, А.М. Объективные знания об окружающем мире и их отражение в лексике и лексикографии / А.М.Кузнецов // Слово в грамматике и словаре: сб.ст. / АН СССР, Отд. яз. и лит.; редкол. В.Н.Ярцева [и др.]. - М.: Наука, 1984. – С. 159 – 164.